

О.В. Епархина

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ К ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рецензия на книгу: Григорьева И.А. Современная социальная политика: возможности и ограничения. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. — 304 С.

Волны нестабильности в современном мире, связанные с экономическими кризисами, революционными и квазиреволюционными ситуациями, массовыми протестами и массовым насилием, стимулируют научное сообщество к поиску круга детерминант, воздействие на которые даст хотя бы минимальный стабилизационный эффект как в странах третьего мира, так и в развитых странах. Подавляющее большинство исследователей, говоря о причинах нестабильности, обозначают причины социально-экономического или экономического характера, акцентируя внимание на дефективности механизмов производства и распределения, в сочетании с неудачами мультикультуралистской модели социальных отношений. Тем самым социологический дискурс все дальше уходит от моделей революционных ситуаций и внутренней дестабилизации, предложенных классиками социологической мысли: П. Сорокиным, Л. Эдвардсом, Т. Гарром, Ш. Эйзенштадтом и пр., однако одновременно уклоняется и от вопроса эффективности такого признанного инструмента стабилизации последних 50 лет, как социальная политика. Между тем новый ракурс рассмотрения этой категории представляется весьма перспективным. Различные направления исследования социальных революций во многом представляли сходный субстрат для возврата и реконструирования понятия социальной политики: поведенческие (П. Сорокин), психологические (Дж. Дэвис, Т. Гарр), структурные (Т. Скочпол, Б. Мур), политико-правовые (К. Бринтон, Х. Арендт, Ч. Тилли) и др. Современная западная социология, уходя от акцентирования материальных отношений как основы общественных изменений,

предлагает структурные теории, объясняющие происходящие радикальные изменения с помощью производных материальных отношений: власти, легитимности, ценностей, мифов и пр. Так, П. Сорокин при исследовании революционного процесса указывает на такие важные его характеристики, как изменения социальных институтов, индивидуального поведения и стратегий поведения элит, групповых структур. Т. Гарр связывает возникновение революций с депривационными ощущениями масс, актуализирующимися через сравнение себя с другими группами или другим временем. Л. Эдвардс указывает, что революционная стадия изменений — одна из заключительных, и появление революционного насилия олицетворяет организационно-структурное, институциональное завершение процесса изменений, часто это результат сопоставления благосостояния депривированных и привилегированных слоев (относительной депривации). Дж. Дэйвис полагает, что революция происходит в период резкой смены подъема упадком и последующего разрушения ожиданий населения в отношении социальных гарантии. В подавляющем большинстве концепций революции мы сталкиваемся с объяснением причин последней через категории неравенства, деформации социальной структуры общества и депривации. Между тем современное прочтение концепта «социальная политика» может оказаться неожиданным не только с теоретической, но и с инструментальной точки зрения. В связи с этим крайне интересным представляется анализ возможностей современной социальной политики как института, способствующего воспроизводству или изменению социальной структуры общества и снижению депривационных издержек.

Монография проф. И.А. Григорьевой «Современная социальная политика: возможности и ограничения» представляет собой серьезный вариант теоретического реконструирования понятия социальной политики как через призму разрешения противоречия между целостностью общества и разделением его на сферы (секторы): государство, рынок и гражданское общество, так и через призму разрешения противоречия между социальными интересами общества как целого и социально-групповой структурой общества. Структурирующее воздействие социальной политики на общество и положение различных социальных групп определяется основными механизмами распределения социальных благ, их типами и строением. Эти механизмы создают не только политическую, но и экономическую основу потенциальных коллективных действий различных групп населения.

В сегодняшних условиях, как подчеркивается в монографии, методология изучения социальной политики должна основываться на категориях справедливости и морали, что предполагает сочетание методологии экономических, философских наук, а также новых стратификационных подходов. Автор предлагает сочетание социологических

и социально-политических дискурсов исследования современной социальной политики. На сегодняшний день представляется наиболее эффективной реализация исследовательских подходов в рамках проблематики социального действия и взаимодействия, развиваемой социологической мыслью различных школ и направлений: теория конфликтов (Р. Дарендорф, Л. Козер и др.); социологические теории международных отношений (В. Бланш, М. Шоу и др.); теория социального обмена (Д. Хоманс, П. Блау и др.); символический интеракционизм (Г. Мид, Г. Блумер, Д. Морено и др.); феноменологическая социология и этно-методология (А. Шютц, П. Бергер, Г. Гарфинкель, Т. Лукман и др.), а также вебериянской и поствебериянской социологии.

Современная социальная политика, характеризуясь размыванием границ между ее субъектами и объектами, тем не менее, не всегда выполняет функцию стабилизации общественной системы. В этих условиях особый интерес представляют границы ее возможностей.

Изменение механизмов воздействия социальной политики на общество, по мнению И.А. Григорьевой, связано с активизацией новых факторов развития социальных процессов: глобализацией экономики, влекущей за собой рост различий в доходах и потреблении, имущественное и иные расслоения; ослаблением роли национальных государств на фоне роста влияния транснациональных корпораций, международных торговых и других соглашений; ростом нестабильности мировой системы занятости; демографическими изменениями (старение населения); трансформацией института семьи и гендерных ролей; снижением политической и социальной роли профсоюзов, возникновением новых социальных движений, представляющих интересы маргинальных групп. Не вызывает сомнения необходимость социологического анализа связи этих процессов с основными факторами революционных изменений, такими, как растущая структурная дифференциация и специализация; установление международных организационных систем и рынков; формирование современной рыночной экономики и современных институциональных систем; распространение открытых систем стратификации и мобильности, где доминируют критерии достижительности, с ослаблением традиционных систем, замещение их открытыми формами классового типа (Эйзенштадт 1999: 260), что активизирует индивидуальные депривации и в результате формирует нестабильность и протестные настроения (Гарр 2005: 276). В условиях снижения роли профсоюзного движения и иных традиционных каналов институционализации протеста роль эффективной полисубъектной социальной политики будет неизбежно возрастать (Tilly 1978: 381).

Приводимые И.А. Григорьевой подходы к определению социальной политики включают как соединение, так и противопоставление в рамках социальной политики государства и предпринимательского секто-

ра. Автор предлагает к рассмотрению наиболее распространенные трактовки социальной политики: социальная политика как действия по решению проблем общесоциальной значимости, реализуемые в рамках моделей «социального государства»; социальная политика как результат эффективного действия трудового законодательства и социального страхования в целях нейтрализации радикально-революционных идей, но приводящая к рискам дисбаланса интересов работающих и экономически зависимых клиентов; социальная политика как система общественной и государственной помощи и благотворительности, обеспечивающая минимальный доход бедным, т. е. нетрудоспособным, деклассированным и самым низкооплачиваемым из работающих (британская модель); социальная политика как инструмент, смягчающий негативные последствия рыночного либерализма и имеющий целью удержать дифференциацию доходов в определенных рамках; социальная политика как вариант социальной солидарности, что возможно путем создания сверхответственного государства, ресурсы которого, в свою очередь, формируются путем индивидуальных «welfare contracts», когда вклад в систему социальной поддержки вносит каждый человек в различных формах, не только в виде денежных выплат, но, например, в виде волонтерской социальной работы и т. д. Нельзя не согласиться с мнением автора о перспективности такого направления в социальной политике XXI в. в развивающихся странах.

Особый контекст приобретают изложенные автором идеи в ракурсе российской социальной реальности. Важнейшей задачей современной социальной политики становится согласование интересов крупных акторов (государство, бизнес, гражданское общество) относительно способов улучшения образования и здоровья как возможностей развития человека. Особенности современной России, заключающиеся в разрыве статусной и профессиональной структуры, не дают возможности использовать традиционные (классовые) марксистский и веберийский подходы для анализа рисков в сфере социоструктурных отношений и социальной политики как инструмента их формирования. В то же время Россия как никакая другая страна нуждается в формировании позитивных социальных практик, максимально разнообразных по форме. Российская бедность обуславливает включение в зону ответственности социальной политики не столько бедных, но и многочисленных представителей «серой зоны» риска, имеющих постоянную занятость, но не имеющих достаточно высокой или достаточно востребованной квалификации. Более того, на сегодняшний день представляется малоэффективным выстраивание иерархий в пространстве субъектов социальной политики в силу массовизации и децентрализации власти, активизации третьего сектора, что стимулирует дискуссии по проблеме активности государства в этом поле. Современная социальная политика перестает

быть делом государства и становится «принципом жизни общества в целом», как отмечает автор монографии.

Еще одним перспективным направлением анализа, представленного в книге И.А. Григорьевой, представляется взаимодействие государства, экономики, общества и человека в моделях социальной политики с выделением специфики такого взаимодействия в разных странах, что вытекает из авторского определения социальной политики как *взаимодействия трех основных секторов общества для развития человека и общества в целом* (С. 65). Кризис идеи и практики становления социального государства на опыте развитых стран, а также слабая его разработанность в отечественном научном дискурсе приводит к необходимости постоянного возвращения и теоретического осмысления его континентальной и англосаксонской традиции через призму оценки институционального фона его развития и природы неравенства.

И.А. Григорьева тесно связывает типы социального государства: либеральное (ограниченное), консервативное (корпоративное) и социал-демократическое, и типы социальной политики, указывая необходимые для каждого из этих типов составляющие:

- 1) развитая правовая система, где осуществлено разделение властей, четкая реализация функций каждой ветви власти: разработка нормативной основы социальной работы законодательной властью, организация выполнения законов, сбор налогов, функционирование организационно-управленческих структур, обеспечивающих получение социальных услуг гражданами — исполнительной, защиту прав граждан — судебной;
- 2) развитая система страховых социальных отчислений (обязательного и добровольного, корпоративного или коммерческого, социального страхования), высокий уровень налогов, формирующих бюджет и размеры бюджетных отчислений на социальную сферу;
- 3) развитая система услуг и социальных служб для всех групп населения.

И.А. Григорьева обращает особое внимание на те изменения в обществе, которые спровоцировали и изменения парадигмы социального государства. Если до 1990-х гг. считалось, что социальные проблемы требуют большего вмешательства государства, то в настоящее время в большинстве развитых стран идет процесс либерализации государства и решения социальных проблем экономическими методами. Эти процессы автор обозначает как фискализацию социальной политики путем усиления экономической составляющей: средства благосостояния и поддержки не монополизированы государством, а интенсивно развиваются другими секторами общества. В этом, на взгляд автора, и состоит идея субсидиарного социального государства, активно дискутируемая в ЕС и становящаяся все более актуальной и для России.

«Само понятие благосостояния является противоречивым, дискуссионным и все больше сдвигается в сторону понимания социального исключения как наихудшего неблагополучия. Но такое понимание более актуально для развитых стран. Для стран постсоциализма пока актуальным является и самое упрощенное понимание благосостояния как «определенный уровень доходов и конечное потребление», — указывает И.А. Григорьева. Сегодняшняя практика заключения правительственных контрактов с гражданами, характерная для всех моделей социальной политики: католическая, консервативная и либеральная; англо-американская, континентально-европейская, северная (скандинавская) создает формат новых отношений между гражданином и государством — «fiscal welfare»: именно так возможно обеспечение систем обучения, поддержки семьи и детства, иных сфер жизнедеятельности, представляющих «зону риска» для возникновения очагов внутренней дестабилизации. Именно так индивид становится заинтересованным участником социальных процессов, и именно так общество выходит на процессы циклического развития, что обеспечивает его стабильность.

Таким образом, сегодня фокус исследований социальной структуры и социальной политики как инструмента ее преобразования должен быть сосредоточен на противоречиях между человеком как целью и клиентом социальной политики и возможностями индивида как субъекта социальной политики, что следует из международных нормативных документов, закрепляющих основные права человека.

Разработка таких моделей социальной политики на сегодняшний день является актуальнейшей задачей для России в условиях доминирования инертного в отношении модернизации чиновничества. Говоря о модернизации как о «взрывающейся архаичности в условиях многоукладного хозяйства», автор монографии подчеркивает, что при непредсказуемости социальных практик и архаичности культуры сел и малых городов, население которых составляет значительную долю жителей страны, формируются устойчивые образцы активности, иммобильность, в результате чего человек не воспроизводится как самореконструирующийся субъект.

Программирующая роль государства связана с классической детерминистской картиной мира, в то время как, согласно новой стратегии социальной политики, необходимо восстановить поведенческую автономию клиента, в том числе активно заимствуя из отечественного исторического опыта многочисленные традиции помощи. В современных условиях целесообразно рассмотрение помощи как разновидности социальной коммуникации, взаимодействия, что обуславливает необходимость социологического подхода к анализу последней, использование в исследовательской практике биографических методов, анализа индивидуального случая. Ориентация на потребности человека как

основной элемент такой системы предполагает возможность реабилитации или выстраивания сценария независимой жизни. При этом развитие общества предполагает расширение жизненных шансов человека, расширение диапазона процессов включения, в том числе за счет конструирования многочисленных идентичностей, расширения диапазона прав личности.

Как указывает И.А. Григорьева, известные модели социальной политики опираются на модели развития общества, в силу чего становится необходима система индикаторов модернизованности сознания, институтов в условиях возникновения все новых видов социальных неравенств. В условиях современной нестабильности социальной структуры именно этот подход может оказаться эффективным для предотвращения локальных очагов нестабильности.

Монография, безусловно, будет интересна широкому кругу исследователей в самых различных областях и представителям многих методологических направлений современной социологии, интересующимся проблемами динамики социоструктурных процессов, неравенства, потребления, общественной стабильности, и собственно, тенденциями и моделями развития социальной политики в мире. Нетривиальный взгляд на проблему социальной политики, многообразие привлекаемого эмпирического материала и широта используемых источников позволяют говорить о работе как об одной из наиболее заметных и полезных научных работ последнего времени в рамках заявленной проблематики.

Литература

Garr T.P. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56).

Социальная политика в период перехода к рынку: проблемы и решения / Сб. статей под ред. А. Ослунда. М.: Центр Каргеги, 1996.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер.с англ.А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект-Пресс, 1999.

Tilly Ch. From mobilization to revolution. Reading (mass) etc.: Adisson — Westley, 1978.